

Карпицкий Н. Н.

[ПРЕОДОЛЕНИЕ АБСОЛЮТИЗАЦИИ СУБЪЕКТА И СВОБОДА ОТ "Я"](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/25.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-83. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Классическое понимание сознания в европейской философии предполагает его обоснование на нём же самом, не нуждаясь для этого в обращении к каким-либо внеположенным сознанию принципам (физиологическим, социальным или психологическим). Это понимание характерно для основного течения европейской философии от Платона и до Гуссерля. Тем не менее, в классическом понимании сознания присутствует переломный момент, связанный с возникновением антропоцентрической картины мира и представлением о внутренней субъективности человека. Если в античной философской традиции сознание – это самообнаруживающееся бытие в самом широком смысле (мир идей Платона, Логос стоиков, летающие эйдолы и психоидные импульсы атомов Эпикура и т.д.), то в новоевропейской философии сознание – это соотношенное с субъектом бытие, составляющее внутреннюю субъективность. Это понимание сформировалось в связи с неявной установкой новоевропейского человека мыслить сознание как отражение объективной действительности.

В соответствии с этим пониманием эмпирическое и умопостигаемое даны в сознании через соотношенность с познающим субъектом. Вне этой соотношенности и сам субъект, и любое содержание сознания превращаются в пустые абстракции, т.к. переживание чувственного без чувствующего субъекта кажется нонсенсом, а субъект без переживаний – лишь в условный принцип. Таким образом, самосознание – это соотношенность между абстракциями, которые наполняются жизненным содержанием лишь в самом процессе соотношенности, в котором только и обнаруживаются познающий и познаваемое.

Если абстрактные принципы онтологически сомнительны, то соотношенность между ними представляется онтологически не обоснованной. Поэтому возникает необходимость в дополнительном онтологическом обосновании сознания через введение внешнего принципа, что привело к возникновению неклассической теории сознания. Попытка обосновать сознание на биологическом принципе привела к материализму, однако само понятие материи тоже превращается в абстракцию: материя – это такое бытие, которое не самосознает себя и не может непосредственно присутствовать в сознании, но лишь отражается в каких-то иных психических процессах. Если материя не существует ни для самой себя, ни для другого, то какой тогда смысл вообще говорить о ее существовании? Преодолеть ограниченность субъектного понимания сознания можно, если принять, что бытие в каждом своем моменте самообнаруживается.

Отказ от представления о субъекте как априорной предпосылке сознания не означает еще отказа от представления о самости. Самость обнаруживается в до-субъектом феноменальном потоке жизни, который и составляет первичный опыт сознания. В соответствии с новоевропейской установкой феноменальный поток существует по причастности субъекту, точнее в актах субъекта, поэтому говорить о феноменах самих по себе бессмысленно. При этом субъект выступает не только условием существования переживаемого, но и принципом его определенности. В первичном опыте жизни феноменальный поток самообнаруживаем сам по себе в каждом своем моменте. Он обладает внутренней инерционностью и может быть описан как поток интенций сознания. Единство потока жизни определяется не субъектом, а принципом сопричастности интенций сознания друг другу. Каждая интенция обладает своей инерцией, и в ней же самообнаруживается усилие, преодолевающее эту инерцию. Это усилие – акт воли. В акте воли присутствует также и потенция воли – способность проявлять усилие, преодолевающее инерцию интенции либо выявляющее ее сопричастность другим интенциям сознания. Потенция присутствует как нечто содержательное, т.е. как такое, которое может быть соотношено с результатом акта воли. Присутствие потенции может быть проявлено в большей или меньшей степени. Таким образом, самоопределение воли – это процесс самообнаружения потенции воли, а содержание этого самоопределения и составляет самость.

В отличие от субъекта самость не является ни условием восприятия феноменального потока ни предзаданным принципом, его определяющим. Самость – это форма самообнаружения способности воли участвовать в становлении феноменального потока жизни. Поскольку самость способна в большей или меньшей степени самообнаруживаться, то это позволяет нам говорить о ступенях духовного роста. Чем выше эта ступень, тем больше возможности перестраивать свой жизненный мир, и тем больше надежда не погибнуть при переходе в запредельное, когда происходит разрушение собственного мира.

«Я» многозначно, оно может указывать на самость, но чаще всего оно отождествляется либо со сформированным извне образом, либо является самоидентификацией субъекта. В обосновании свободы от «Я» будем понимать под ним человеческое «Я» («Эго»), выступающее как центр соотношенности с собой, благодаря которому все переживания осознаются как «мои переживания». Эта новая характеристика «мои» вносит в переживания новую значимость. Соответственно, «Я» превращается в центр собственной важности, по отношению к которому перестраивается значимость всего содержания жизненного мира. Таким образом, наряду с первичным опытом переживания мира, который безотносителен к центру собственной важности, можно выделить жизненный мир, который переструктурирован в соответствии с системой значимостей, определенной по отношению к «Я».

В качестве центра самосоотношенности «Я» может отождествляться с каким-либо феноменальным содержанием, например, с именем, с телом, с социальной ролью и т.д. В этом отождествлении «Я» наполняет-

ся конкретной предметностью и противопоставляется всему остальному переживаемому миру. В этом противопоставлении «Я» последовательно приобретает дальнейшее свое определение: формируется конкретный образ себя, соответствующий мнениям и представлениям окружающих людей. Система социальных отношений навязывает определенное представление о себе, которое, выступая в качестве центра собственной важности, ведет к еще большей деформации жизненного мира. Первичный опыт жизни, неискаженный соотносительностью с «Я», предается полному забвению, и человек начинает жить в мироописании, которое выстроено по социальным шаблонам и стереотипам. Привязанность к определенному «Я» закрепляет самомнение, страх осуждения окружающих и утраты социальной адаптивности.

Включенное в систему социальных отношений «Я» приобретает предельно жесткую форму, и любое несоответствие этой формы собственным представлениям о себе или мнениям других дезориентирует «Я» и воспринимается крайне болезненно. В случае такого несоответствия человек не знает, как соотносить себя с собой, и весь его жизненный мир, утрачивая устойчивость, распадается. Чтобы этого не допустить, человек цепляется за все, что вносит в мир определенность: социальные нормы, идеи детерминизма, материализма, различные идеологии и т.д.

Особенно болезненным является непосредственное восприятие внутреннего отношения другого человека к себе. В эмпатии человек не просто сочувствует и сопереживает, он непосредственно чувствует Другого изнутри, тем самым отождествляясь с новым восприятием себя со стороны. Эти два разных восприятия себя: со своей позиции и с позиции Другого, никогда не могут совпасть (даже при самом теплом и любящем отношении Другого). Происходит аннигиляция несовместимых представлений, и человек вместе с утратой образа себя, с которым отождествлялось его «Я», утрачивает и устойчивость мироописания. Защитный психологический механизм немедленно подавляет эмпатию, и человек становится невосприимчив к переживаниям других людей.

Таким образом, по мере наполнения «Я» предметным содержанием происходит деформация жизненного мира. Возвращение к первичной очевидности жизни предполагает обратный процесс – распрямление «Я», предполагающее отказ от отождествления с каким-либо образом или представлением. Это достигается путем смещения центра самосоотнесенности с представления о себе на потенцию самовыражения. Представление о себе всегда наполнено конкретным феноменальным содержанием (тело, имя, социальная роль и т.д.), потенция самовыражения первична по отношению к любому феноменальному содержанию и поэтому никак не привязана к нему. Потенция самовыражения раскрывается в усилиях, направляющих интенции сознания, которые составляют весь жизненный поток. Она представляет собой заложенную в свободе воли способность соотноситься с любым феноменальным содержанием. Хотя потенция может осознаваться, тем не менее, она, будучи еще не актуализированной, первична по отношению к потоку жизни и носит дофеноменальный характер.

Сама по себе потенция, в силу своего дофеноменального характера, не может иметь феноменальную определенность – она лишь интуитивно открыта как первичное неопределенное состояние. Однако первичность потенции любому содержанию жизни нисколько не препятствует сознать ее из самого потока жизни. В этом случае она может осознаваться не только как неопределенность, но и как конкретная возможность чего-либо.

Смещенный на потенцию самовыражения центр самосоотнесенности не может быть отождествлен ни с каким конкретным содержанием жизненного мира, в том числе и с наполненным предметным содержанием «Я». В силу этого невозможно и противопоставление «Я»-«не-Я». Поскольку потенция обнаруживается в любом содержании потока жизни, то центр самосоотнесенности растворяется в этом потоке. Не отождествляясь более ни с чем конкретным, «Я» рассредоточивается во всем содержании жизни. «Я» становится всем, что воспринимается, ощущается, ожидается, вспоминается, ассоциируется. Благодаря растворению определенности «Я» в становлении жизненного мира реализуется свобода от «Я».

«ЕМСКАЯ ТЕОРИЯ» А. И. ШЁГРЕНА

Киселёва Т. В.

НОУ ВПО «Русская христианская гуманитарная академия»

Особое внимание русских учёных XVIII в. было обращено на древнее племя «емь», часто упоминавшееся в русских летописях IX–XIII вв., а с XIII в. исчезнувшее со страниц письменных источников. В основном, разработкой данного вопроса занимался академик А.Х. Лерберг, основоположник изучения истории Финляндии в России [Шаскольский И.П. 1990:4]. В своей работе «Исследования, служащие к объяснению древней русской истории» [Лерберг А.Х. 1819] он установил, что «емь» русских летописей – это одно из финских племён «häme», издавна жившее в южной Финляндии и составившее основное ядро современного финского народа. Лерберг привлёк к изучению ранней финской истории русские летописи. На основе летописных сведений Лерберг установил, что главное финское племя «емь» задолго до начала шведского завоевания Финляндии, с XI в., и до середины XIII в. было подвластно Древней Руси и испытывало ее политическое и культурное влияние [Лерберг А.Х. 1819:83-84]. Сведения источников, собранные в работе Лерберга, отно-